

Нина Барковская
Поэт и Гражданин: игра с каноном в актуальной
русской поэзии

Из богатой традиции стихотворного жанра «*Разговоров...*» наиболее актуально сегодня звучит разговор Поэта и Гражданина, что обусловлено социокультурными обстоятельствами: размытой идентичностью, прерванной модернизацией в «обществе с ограниченной ответственностью»¹ и нарастающим чувством психологического дискомфорта, ситуацией «неполного присутствия»² в жизни общества, поскольку реально от индивида ничего не зависит. Поэзия ответила на эту ситуацию усилением социальной, гражданской проблематики. Лев Рубинштейн пишет: «Когда из общественного обихода исчезают такие базовые категории, как достоинство, совесть, сострадание, да просто честность, то тут кончаются почва и судьба, а начинается как раз оно самое, искусство. Искусство <...> берет на себя функции тех органов общественного организма, которые отказываются работать»³. И делает вывод: «Гражданин-конформист — это неприятно, но это понятно. <...> Художник-конформист — это, в общем-то, катастрофа. Прежде всего для самого художника»⁴.

Рассмотрим два варианта современной интерпретации (ремейка) традиции, заданной хрестоматийным некрасовским

© TSQ № 44. Spring 2013. © Nina Barkovskaya, 2013.

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-24-01001.

¹ Гудков Л. Д. Абортивная модернизация. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 376.

² Дубин Б. В. Россия нулевых: политическая культура — историческая память — повседневная жизнь. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 235)

³ Рубинштейн Л. Знаки внимания. — М.: Астрель: CORPUS, 2012. — С. 88.

⁴ Там же. — С. 91.

стихотворением «*Поэт и гражданин*»: оба варианта оппозиционны государственному режиму, но предлагают, условно говоря, (1) либеральную критику (Д. Быков) и (2) ультралевое отрицание режима с позиций неомарксизма (В. Нутатов).

Стихотворение Н. А. Некрасова «*Поэт и гражданин*» написано в 1856 г., в обстановке нарастающего социально-экономического и политического кризиса. По словам Гражданина, общество «боязливо» доживает «ночь», скоро начнётся решительная борьба, поэтому он призывает Поэта: «Пора вставать! Ты знаешь сам, / Какое время наступило...» Диалог Гражданина и Поэта развёртывается как полемика сторонников политически-острого, «тенденциозного», и так называемого «чистого искусства». Гражданин сетует на отсутствие гражданского сознания у россиян:

А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.
Ах! будет с нас купцов, кадетов.
Мещан, чиновников, дворян.
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой.
Не предводитель, не плантатор.
Кто гражданин страны родной?⁵

По-просветительски веря в силу слова, Гражданин призывает Поэта будить в людях совесть: «Не может сын глядеть спокойно / На горе матери родной», и если будет нужно, погибнуть «за честь отчизны, за убеждение, за любовь». Предстоящий Гражданину Поэт, конечно, не Пушкин — его поэмы бестолковы, элегии не новы, сатиры неблагородны и обидны, но все-таки, утверждает Гражданин, у него есть талант, и нужно потратить его на общественное дело, а не воспевать «красу долин» и «ласку милой».

⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 2. — Л.: Наука, 1981. — С. 5—13.

Поэт со скукой выслушивает пламенные речи: «Ты кончил?.. Чуть я не уснул». По мнению Поэта, «блажен безмолвный гражданин» — он молча идёт к своей цели, совершает нужные поступки, а вот у поэта душа «ленивая, самолюбивая и пугливая», где уж ему бороться. Однако, возражает Гражданин, когда в обществе нарастают деспотические тенденции, то гражданин молча склоняет под иго шею, а поэт хотя бы стонет да жалуется. Гражданин заключает: «Блажен болтающий поэт, / И жалок гражданин безгласный!», утверждая тем самым большую действенность слова, чем реального поступка. Таким образом, речь идёт о долге интеллигенции перед народом, о назначении поэта-трибуна, носящем, как свои, на теле язвы родины своей, по сути, это поэт-Мессия, способный словом исцелить и воскресить. Однако есть реальный человек, пишущий стихи, с присущими ему человеческими слабостями. В горячей юности и он, как репортёр, «без отвращения, без боязни» шёл в тюрьму, в суды, в больницы: «Клянусь, я честно ненавидел! / Клянусь, я искренно любил!». Но с годами пыл охладел, жизнь навалилась своими мелкими заботами, а умирать в двадцать лет совсем не хотелось. Вторая часть стихотворения переводит внешний диалог во внутреннюю речь, в спор поэта с самим собой. Конечно, и диалогизм первой части очень условный: как бы две стороны одного сознания отдельно, по очереди берут слово (не случайно тип метафорических сравнений-аллегорий одинаков у обоих голосов). Поэт винит самого себя за малодушие, с презрением отзывается о своей былой популярности: «Бичуя маленьких воришек / Для удовольствия больших, / Дивил я дерзостью мальчишек / И похвалой гордился их». Недостойно распорядившись поэтическим даром, он, «сын больной большого века», растерял все: «Утрюм и полон озлобленья / У двери гроба я стою...»

Итак, согласно Некрасову, только социально-значимая поэзия заслуживает уважения, поэт, забывший долг гражданина, обречён на прозябание и, главное, на глубокий разлад с самим собой, на недовольство прожитой впустую жизнью. Классическая ритмика четырёхстопного ямба «ломается» разбивкой строки на стыке реплик диалога, нерегулярной стро-

фикой, внезапной сменой способа рифмовки. Такая форма передаёт искренний, горький лиризм лирического героя. Типизируя недостатки демократической интеллигенции, Некрасов пишет, прежде всего, о самом себе, корит себя за непоследовательность, за периоды уныния и тоски, себя сознает «рыцарем на час».

Теперь вернёмся к нынешней политической поэзии.

В 2011 г. проект «Гражданин поэт» осуществлялся А. Васильевым, М. Ефремовым, Дм. Быковым. Второй этап продлился до 5 марта 2012, т. е. до выборов Путина: «5 марта 1953 года умер Сталин. 5 марта 2012 года вышла финальная серия проекта „Гражданин поэт“ под названием „На смерть проекта. Гражданская панихида“»⁶. Транслировался проект по телевидению (канал «Дождь»), в концертах во время турне по городам, немного позднее появились два роскошно изданные тома с материалами проекта, включая «культурную коллекцию» реквизита.

Основная тональность текстов и разыгрываемых на их основе сценок «художественной *самодетельности*» — острая сатира, шельмование, нередко даже залихватски-циничное высмеивание президента, премьера, губернаторов, олигархов, политиков. Цель: представить их смешными, нелепыми, а главное — продемонстрировать неясный, скрытый и неблагоприятный подтекст политических речей и событий. Наиболее остро звучат тексты «Путин и мужик», «Свежий закон джунглей» и др.

Название проекта двусмысленно: оно указывает на гражданскую позицию поэта, но и напоминает официальное обращение к человеку со стороны властей, милиции, ФСБ, налоговой инспекции и проч., это обращение подчёркивает факт абсолютной подвластности частного человека государству, которое заменяет (вытесняет, делает ненужным) гражданское общество.

Кому адресован проект? Несомненно, он рассчитан на то, чтобы устыдить власть имущих или хотя бы показать, что

⁶ Гражданин Поэт. Наши — все. — М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2012.

люди — не слепой электорат, видят, что происходит в стране, в атмосфере близящихся выборов президента. Вместе с тем, проект разыгрывался как спектакль, публично, на глазах огромной аудитории. Поэт и Гражданин здесь — именно роли, сатира театрализована, представлена как шоу. Важны грим, декорации, реквизит (причём, его несоответствие историческим реалиям подчёркивает абсурдность происходящего на сцене, создаёт эффект остранения), не случайно во вторую книгу включён раздел «Граждане вещи», выдержки из критических и хвалебных отзывов о проекте, черновики стихотворений с правкой, т.е. проект помещён в широкую социокультурную среду, далеко выходящую за рамки одних только текстов. Фильм Веры Кричевской «Гражданин поэт. Прогон года» (май 2012) дополняет интервью с авторами проекта и их мамами документальными съёмками протестных акций, демонстраций, реальных событий; этот фильм ждали, его просмотры сопровождалась обсуждениями, продолжавшимися в Интернете. Проект, несомненно, талантливый, был с восторгом принят либеральной интеллигенцией. В октябре 2012 г. Д. Быков вошёл в Координационный совет оппозиции.

Основной принцип стихотворных текстов Д. Быкова — пародия: тексты классики помещаются в заведомо чуждый им контекст, наполняются совсем другим смыслом, который не предусматривался поэтом-«донором». Автор текстов (и исполняющий их актёр) надевает маску, играет роль эпигона, пересмешника (задник сцены украшал мятый портрет классика в распечатке). Это не пародия на классику, это травестия настоящего с авторитетных позиций классики. По мнению Б. Дубина, в ситуации политически-сконструированного дефицита альтернатив ныне господствует в политическом, культурном и, особенно, медийном пространстве стратегия эпигонства, клонирования, пародирования образцов, при их заведомом снижении и упрощении. Адаптация к ситуации нарастающего традиционализма требует заимствования-повторения культурных значений и символов, становящихся универ-

сальными стереотипами⁷. Проект «Гражданин поэт» сделал эту стратегию пародичности явной, превратив именно её в объект сатиры.

Путинский режим показан как пародия на сталинский диктат, да и сам Сталин представлен бездарным эпигоном (текст «*На смерть проекта*»⁸ высмеивает примитивные стишки юного Джугашвили, поэта и гражданина в одном лице, однако герой стихотворения, Сталин, верит, что его-то проект сейчас как раз и восстаёт, хотя в конце и заявляет, что стране «смешны» и он, Сталин, и разыгрывающие на него сатиру). Отмечается и отсутствие гражданского самосознания народа, разброд в рядах оппозиции («Wow, кампания какая!»⁹). Итак, авторов проекта вдохновляла апелляция к политической совести лидеров, к авторитету классики, просветительская вера в силу слова, острой, бичующей сатиры. Оформитель книг Павел Краминов прямо признается, что спародировал («срисовал») оригинал-макет последнего прижизненного издания Н. А. Некрасова, как раз книжку «*Поэт и гражданин*» 1877 г.

Завершает вторую книгу текст, озаглавленный «*Поэт, Гражданин и Васильев*», написанный, как указано, 22.01.2012 для журнала «*Русский пионер*». Здесь уже представлена сатира в собственный адрес. Разговор Поэта и Гражданина контрастен некрасовскому стихотворению буквально во всём, начиная с первой же ремарки: Гражданин входит и достаёт бутылку, затем настойчиво приглашает Поэта выпить и закусить. Вместо критики в адрес бездействующего Поэта — похвальба успехом, славой, количеством концертов и тиражей, а особенно — денег: «Мы года бренд!»¹⁰. Передавая и попутно опровергая все упреки в адрес проекта, Гражданин призывает Поэта: «Вставай, буди в народе совесть. Вот, я налил». Таким образом, Гражданин не упрекает, а соблазняет Поэта славой и деньга-

⁷ Дубин Б. В. Россия нулевых: политическая культура — историческая память — повседневная жизнь. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 212, 219.

⁸ Гражданин Поэт. Наши — всё. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012. Кн. 2. — С. 85.

⁹ Там же. — С. 69.

¹⁰ Там же. — С. 147.

ми, совесть, по его мнению, нужно разбудить не в Поэте, а в народе. Поэт только грубо и хмуро огрызается. Вместо некрасовского пафоса — циничная болтовня, не случайно рифмованный ямбический текст написан как проза, в строчку. В конце концов, врывается названный по фамилии Васильев и грубыми окриками прекращает беседу, заставляя и Поэта, и Гражданина работать: «...все через час хочу иметь я!» Таким образом, к паре некрасовских персонажей добавлен третий и главный — «менеджер десятилетия». «Гражданин поэт» — это, прежде всего, медийный проект, доходное предприятие; известная доля риска и напряжённая работа оправданы солидной прибылью. Подлинным текстом-первоисточником можно считать не некрасовское стихотворение, а пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824): «Стишки любимца муз и граций / Мы вмиг рублями заменим / И в пук наличных ассигнаций / Листочки ваши обратим». Особенно характерен финал: «Наш век — торгаш; в сей век железный / Без денег и свободы нет» — «Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся»¹¹ (переход на прозу).

Как расценить авторскую позицию в рассматриваемом проекте? Исследуя социальную историю дерзости, П. Слотердаjk полагал, что цинизму социальных «верхов» противопоставит кинизм — дерзкое проявление витализма, идущее «снизу»¹². Современные социологи не противопоставляют виды дерзости, видя в цинизме «способ массовой идентичности, механизм негативной мобилизации», «общую схему адаптации к социальному миру, предъявляющему несогласуемые требования»¹³. Л. Гудков пишет, что «цинизму власти соответствует массовый цинизм снизу, или, другими словами, общественный консенсус носит нигилистический характер»¹⁴. С сожалением

¹¹ Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. II. — Л.: «Наука», 1977. — С. 174—179.

¹² Слотердаjk П. Критика цинического разума. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009. — С. 201.

¹³ Гудков Л. Д. Цинизм слабого общества // Гудков Л. Д. Абортивная модернизация. — М.: РОССПЭН, 2011. С. 260, 275.

¹⁴ Там же. — С. 269—270.

нием отмечает социолог, что «представление о политике как деятельности хищников и карьеристов и есть иное по форме выражение собственного цинизма основной массы населения, оборачивающегося пассивностью, покорностью, равнодушием и общим пофигизмом»¹⁵. Очевидно, это чувствует и недовольный собой быковский Поэт: его сатира имитирует устойчивую ценностную систему, тогда как нравственный императив изрядно попорчен рыночным обществом потребления, где все, даже гражданская позиция, становится товаром.

Второе оппозиционное направление представляют группы «Левый фронт», «Оккупай», анархистские журналы «Воля» и «Утопия», «Свободное марксистское изд-во» и др. Их цель — создание активистской культуры, преодолевающей как партийно-идеологические, так и субкультурные стереотипы.

Ультралевые радикалы, они придерживаются установки на нарочитый примитивизм, отделение себя от литературного сообщества, их тексты — прокламации, воззвания, манифесты, главный импульс — постоянный разрыв, неравенство самому себе, перформативность. Наиболее радикальное крыло представлено книгами серии «Kraft», издаваемыми «С.М.И.» («Свободным марксистским издательством», ред. Кирилл Медведев). Ал. Скидан сочувственно цитирует слова К. Медведева: «Я отказываюсь от участия в литературных проектах, организуемых и финансируемых как государством, так и культурными инстанциями. Только книги или другие носители, выпущенные своим трудом и за свои деньги, публикации на собственном сайте в Интернете. Я отказываюсь от каких-либо публичных чтений. ... Это не героическая поза, не пиар-акция и не желание наладить собственный издательский бизнес. Это некоторое необходимое мне ограничение»¹⁶. Самодельные книжки на грубой бумаге «крафт» уже внешним видом противостоят «глянцу» и «мейнстриму». Формальная сторона поэтического высказывания в этой серии также заострена против традиционного поэтического канона, превращая текст в звуковой и интонаци-

¹⁵ Там же. — С. 267.

¹⁶ Цит. по: Скидан А. Сумма поэтики. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — С. 108—109.

онный жест, совершаемый на наших глазах. Экстенсивной структуре данного типа поэзии удачно отвечает использование новых технологий (видео-клипов, DVD), позволяющих увидеть и услышать поэта. Так, например, книга Павла Арсеньева «Бесцветные зелёные идеи яростно спят» совмещает тексты и изображения, фотографии поэтических хеппенингов, скриншоты поэтических фильмов, важным элементом текста становятся интернет-ссылки — все это обеспечивает «социальному говорению» разомкнутость вовне. Но, заметим, представляет поэта как «стратегийно-манипулятивную фигуру» (по словам Д. А. Пригова¹⁷), с тем, правда, отличием, что в данном случае главной становится стратегия трансгрессии.

Субъект высказывания во многих текстах «левых» — не лирический герой и не ролевой герой. Это субъект групповой, безликий, некое лирическое «оно». Р. Осминкин восклицает: «я говорю я / я говорю я / я говорю я», но немного далее: «бойся бося бойся но / бриколлаж составляй не зевай / где оно лирическое я / вот оно лирическое оно»¹⁸.

И обращены эти тексты не к конкретному политическому лидеру или «просвещённой» части общества, а к безликой же массе, обитателям разрушающихся новостроек в спальных районах, к маргиналам и аутсайдерам. Не на телеканале, не на эстраде, а в супермаркете, в заводском цехе устраивают радикалы свои выступления, называя их не «проект», а «акция»: если проект — это план, замысел, то акция — действие, направленное на достижение цели. Речевая агрессия призвана вызвать возмущение читателя, вывести его от апатии. Если Некрасов и Быков все-таки стремились к установлению коммуникации, то тут главное — прерывание коммуникации (при отсутствии гражданского общества не может быть ни гражданина, ни поэзии, ни читателя). Нугатов сатирически рисует апатичное, деградировавшее состояние культуры: «писатели исписались / поэты распоясались / премии распродана-

¹⁷ Пригов Д. А. Монады. — М.: НЛО, 2013. — С. 352.

¹⁸ Осминкин Р. Товарищ-вещь. Kraft. Совместная серия альманаха «Транслит» и «Свободного марксистского издательства», СПб., 2010. — С. 5, 21.

лись / человеки расчеловечились / звери вызверились / природа выродилась...»¹⁹. Д. Давыдов отмечает в произведениях К. Чухров ситуацию дискommуникации персонажей-актантов, имеющих ложный статус: «Самое вызывающее, обращающее на себя внимание прежде всего свойство драматических поэм Чухров — их стилистическая агрессивность, принципиальная языковая неоформленность — является лишь способом демонстрации тотальной невозможности встречи разных „других“ друг с другом. <...> Вместо деконструкции „литературоцентризма“ перед нами поэтическая критика мира социокультурных ролей, выставленных на продажу, миропорядка, в котором есть лишь мнимости и конструкты — поставляемые искусством в том числе способы позиционирования и взаимодействий, — представляющие товаром»²⁰.

Чётко определённым объектом сатиры у «левых» авторов является именно поэтический мейнстрим, «поэзия в бизнес-классе»²¹. «Раскрученные» поэты приравниваются к шоуменам — «выйди поэт/ прочитай стишок / чтобы нам стало / бы всем хорошо / выйди на сцену / мы заплатили цену / повесели нас / от души / почитай / спой / сыграй / и спляши»²². Слова девальвировались, люди говорят «по телефону по радио по домофону по скайпу в лайвджорнале в твиттере в фейсбуке в ноутбуке...»²³. Самому же автору нечего сказать, у него нет стихов, есть только квитанции за коммунальные услуги и телефон, миграционная карта, паспорт, свидетельство о рождении, ИНН, свидетельство о браке, диплом, билет на поезд, чек из аптеки и проч.²⁴. Это анти-поэзия, без рифмы, без ритмической выровненности, без регулярной строфики и

¹⁹ Нугатов В. Мейнстрим. Kraft. Совместная серия альманаха «Транслит» и «Свободного марксистского издательства», СПб., 2012. — С. 55—56.

²⁰ Давыдов Д. Проем между сущностями // Новое литературное обозрение. 2011. № 107.

²¹ Нугатов В. Мейнстрим. Kraft: Совместная серия альманаха «Транслит» и «Свободного марксистского издательства», СПб., 2012. — С. 27.

²² Там же. — С. 30.

²³ Там же. — С. 24.

²⁴ Там же. — С. 24—25.

силлабики, с нарочито разговорным стилем, грубой, ненормативной лексикой, списочные тексты-перечисления можно назвать, используя выражение А. Ханзен-Леве, «пустым дискурсом», «риторикой безъязычия»²⁵. Тексты тягучие, серые, аморфные — как наша нынешняя реальность.

Обратимся к стихотворению В. Нугатова «*Поэт и гражданин*»²⁶. Субъект высказывания — успешный поэт с гражданской позицией, выраженный через неопределенно-личное местоимение «ты» («после того как выскажешь таким образом свою гражданскую позицию...»). Такой поэт берет какую-нибудь животрепещущую тему и совершает с ней акт гражданского мужества, после чего наступает спокойствие, удовлетворение, усиленное чувством выполненного гражданского долга, скромная гордость за собственную гражданскую смелость, за благородство своей души и помыслов. Таким образом, позиция гражданского поэта в негражданском обществе, при отсутствии гражданского сознания — очередная идеологическая ловушка. Полемика с «успешными» поэтами разворачивается именно в эстетической плоскости, в области поэтического слова.

Лев Рубинштейн объяснил, почему власть так попустительствует поэтической критике в свой адрес: не потому, что она такая добрая и толерантная, а потому, что слова для неё ничего не значат. «И это принципиально новая ситуация для страны, устойчивой традицией которой во все времена было именно самое равнодушное отношение к слову. Во все времена за слова преследовали и награждали. А теперь и преследуют, и награждают совсем за другое»²⁷.

Подводя итог, отметим следующее. Некрасов апеллировал к разуму, к гражданскому самосознанию поэта, противопоставлял критическую поэзию «высокой», пушкинской (в трак-

²⁵ Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: «Академический проект», 1999. — С. 165.

²⁶ Воздух: журнал поэзии. 2006. № 3:

<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2006-3/nougatov/>

²⁷ Рубинштейн Л. Знаки внимания. — М.: Астрель: CORPUS, 2012. — С. 98.

товке сторонников «чистого искусства»). Иронические тексты Быкова пародируют классику, выявляя пародийный характер нашей социальности. Тексты Нугатова принципиально вынесены за границы классической традиции, за границы мейнстрима и медийной культуры. К некрасовской паре Поэта и Гражданина у Быкова придан третий и главный — Менеджер. Нугатов, отказываясь от менеджера (книжки серии Крафт самодельные), дискредитирует фигуры и поэта, и гражданина, настаивая на их невозможности сегодня. У Некрасова — лирический герой, у Быкова — герой ролевой, у Нугатова — безликое «оно». Лирическое переживание у Некрасова — самобичевание, горячий пафос, у Быкова — насмешка, ирония, у Нугатова — холодная злость. Сама идея гражданского протеста в его пафосной, «высокой» форме сейчас не вызывает доверия. В романе В. Пелевина «Бэтман аполло» персонажи-вампиры иронически приравнивают протестные акции к реалити-шоу: «Участие гламурного элемента, светских обозревателей и поп-звезд с доброжелательным вниманием СМИ превратит протест в разновидность «потребления на заказ»²⁸. Вот почему классический канон гражданской инвективы выворачивается наизнанку, а ораторская интонация сменяется либо самоиронией (у Быкова), либо вообще выходом за рамки литературности у Нугатова.

²⁸ Пелевин В. Бэмен аполло. — М.: Эксмо, 2013. — С. 182—184.